

Вероника Ткачёва

ПЫЛЬЦА
С КРЫЛЬЕВ БАБОЧЕК

Вероника Ткачёва
Пыльца с крыльев бабочек.
Сказки для выросших детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36969527

ISBN 9785449312365

Аннотация

В любом возрасте человеческое сердце верит в лучшее, светлое, чистое. И не зря, потому что в жизни, если приглядеться, всегда есть место для доброго чуда, быть может, маленького, но – есть! В этих сказках для выросших детей, возможно, вы тоже найдёте то, что ищет ваше сердце.

Содержание

Пыльца с крыльев бабочек	5
К читателю	5
Три правдивые сказки	7
Правдивый рассказ о Красной Шапочке	7
Сказка о современной репке	12
Вся правда о Золушке, которую не рассказывают детям	17
Притча о кукольном театре	24
Притча о вере	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пыльца с крыльев бабочек

Сказки для

выросших детей

Вероника Ткачёва

Редактор Любовь Бросалина

© Вероника Ткачёва, 2018

ISBN 978-5-4493-1236-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пыльца с крыльев бабочек

Сказки для выросших детей

К читателю

Если вас привлекло название этой книги, то, похоже, мы с вами одной крови: вы, как и я, до сих пор любите сказки. Помните, в «Книге джунглей» Киплинга было такое обращение-приветствие: «Мы с тобой одной крови – ты и я»... Мы с вами тоже в некотором роде жители джунглей – только других, человеческих. И я, как прилежная ученица медведя Балу и пантеры Багиры, обращаюсь с приветствием к тебе, мой читатель: мы с тобой одной крови...

И в наших человеческих джунглях не всегда просто выжить. Мы вечно куда-то бежим, стараясь успеть всё-всё. И нам постоянно кажется, что ничего не успеваем. Мы страдаем неврозами, бессонницей, хронической усталостью... Но самое главное – мы забываем о своём внутреннем ребёнке. А ведь именно дети лучше всех умеют радоваться жизни.

Вот эта книжка написана для нашего внутреннего ребёнка. Она поэтому так и называется. Наверное, каждый в детстве ловил бабочек и стрекоз или хотя бы пытался. И вот возьмёшь пойманную бабочку в руки – нежно, стараясь не

сломасть эту трепетную красоту, поддержишь в руках и выпустишь обратно в небо. А на руках остаются частички пыльцы с её крыльев – разноцветные, перламутровые...

Сказки и притчи, собранные под этой обложкой, очень разные по своей тональности, окраске и манере написания, иногда они смешные, а порой и немного грустные. Надеюсь, они подарят вам приятные минуты отдыха, размышлений и светлого настроения. Возможно, прочитав какие-то из них, вы снова почувствуете на пальцах пыльцу с крыльев бабочек. Как в детстве.

Хорошего чтения, дорогие мои!

Искренне ваша,
Вероника Ткачёва

Три правдивые сказки

Правдивый рассказ о Красной Шапочке

Вот какая-то необедительная сказка про Красную Шапочку. Совершенно. А всё потому, что явная сказка. Вот кто поверит, что Волк сожрал бабушку и Красную Шапочку за один присест? Ведь их двое. Да даже если за два присеста. Он их глотал не жуя, что ли?! Потому как потом-то они целые и невредимые из его живота выскочили. Да и вообще – всё необедительно в этой сказке, если вдуматься, всё. Например, какая нормальная мать пошлёт свою дочку малолетнюю одну, с тяжёлой корзиной, пусть и к больной бабушке? А в корзине, видите ли, горшочек с маслом и пирожки. Только вот сдаётся мне, что не горшочек это был, а бутылочка. И даже не бутылочка, а бутыль. С маслом. Ага, ну конечно, с чем же ещё. Подумайте сами: зачем больной бабушке масло? Подсолнечное, или какое там во Франции делают. Вот зачем? Ясно, какая болезнь была у бабушки, если ей посылали бутылку на опохмел, да с закуской.

В общем, концы у них с концами как-то совсем не сходятся в этой сказке.

А очень хочется знать, как на самом-то деле было.

На самом деле Красную шапочку звали Малышка Мими.

Была она не малолетняя, а совсем даже наоборот. Не пенсионерка, конечно, а просто взрослая, совершеннолетняя. И работала Мими в местном цирке. Наездницей. Скакала по арене, как сумасшедшая, и сальто всё крутила. Прямо на скаку. Костюм у неё был очень красивый: юбочка пышненькая, короткая, красная, передничек белый, блуза тоже белая, на голове шапочка милая такая, красная, в цвет юбке. В общем, костюмчик что надо. Вот от этого и прозвали её Красной Шапочкой. Тут со сказкой всё сходится как раз. Если честно, только в этом и сходится.

И вот докрутилась Малышка Мими со своими сальто. На одном представлении вечером случилось вот что.

Аншлаг, публика, можно сказать, на головах друг у друга. Духота страшная. Но все сидят, смотрят, никто не уходит. И у Мими нашей то ли голова закружилась от духоты, то ли просто день был не её, но свалилась она с лошади. Да так неудачно, что ногу сломала. Хорошо, что не шею! Поклонники охали, ахали. Всю больницу цветами завалили. Конфетами там шоколадными. Дорогущими. И лечили наездницу как надо. Но Малышка Мими не смогла больше сальто свои крутить и скакать на спине коня, как ненормальная. Нога-то срослась, даже хромоты не осталось. Но для сальто уже не годилась.

Поплакала Малышка Мими, а из цирка уходить не хочет. Да и какой циркач захочет?! Они ж там все как зазомбированные, кроме цирка нигде себя и не видят. Уже подумыва-

ла наша бедняжка Мими в билетёрши идти. Или в «принеси-подай» в номере другого артиста. Или к фокуснику, чтобы пилил там или в коробку прятал, а оттуда потом голуби. Но не хотелось как-то на вторых ролях быть нашей Малышке Мими. После такой-то славы! Ведь на её выступлениях все сборы и делались! Ибо в наше время уже никого карликами да бородатыми женщинами не удивишь. И силачи уже публике не силачи. Нужно что-то новенькое, эффектное! А Мими не в строю. Хоть закрывай цирк! Или опять в шапито превращайся...

А ведь директор только-только здание выбил, циркачи обжились в нём, ремонт на свои средства сделали. У артистов нормальные гримёрные появились, душ опять же, туалет, все удобства... Кое-кто и квартирами в городе обзавёлся. И что же теперь, всё прахом?!

Ну и вызывает директор Мими к себе. Все свои соображения изложил. И говорит: ты, мол, всё равно как наездница профнепригодна теперь. Иди-ка в дрессировщицы. Это как раз то, чего нам не хватает: номеров с животными. Но бюджета на закупку редких зверей у нас нет, слонов там всяких или тигров мы себе позволить не можем, да и прокормить их не так просто. Нам нужно что-нибудь помельче. Но всё равно чтобы с изюминой было!

Мими совсем растерялась: вот что этому директору надо? Сам не знает, чего хочет. Но ошиблась Мими: директор как раз знал. «Иди, – говорит, – и излови Волка в местном лесу.

Слышал я, что он совсем обнаглел, серая морда. Пастухов пугает, собак местных совсем за людей не считает, задирает их, обидно даже. А однажды вообще среди бела дня по главной улице города ходил. По слухам, пьяный. Такое демонстративное поведение, что боже ты мой! А что афишу с твоим портретом он тогда сорвал, ты знаешь? Где ты на коне, красотка такая. Явное неравнодушие!»

Мими удивилась, даже рот раскрыла: да как же, мол, я с Волком совладаю?

Директор не стал кругами ходить, знал, как ответить: «Ты, Мими, глаза мне тут не выпучивай, не хлопай ресницами своими накладными, сквозняк не устраивай, иди и приведи. Уж как объясняться с ним будешь – твоя забота. А номер отменный выйдет, ни у кого ещё в цирке волка никогда не было. Как известно, сколько волка ни корми, он всё в лес смотрит. А у нас один уникам выискался – всё в город глядит, наоборот. Да ещё на одну красотку заглядывается. Мы ж не дураки, чтобы таким обстоятельством не воспользоваться и представление для нашей дорогой публики из этого не сделать».

Ну и вот. Надела наша Мими свою самую красную шапочку, самую короткую юбочку и самую прозрачную блузочку, взяла бутылку вина и пирожки с мясом на закуску, положила всё это в корзинку и пледом прикрыла. В крупную такую клетку, красно-бело-чёрную, чтобы всё в тон было. И опять же – видно издалека, не затеряется в лесу такое яркое пятно.

Но недолго искала Мими Волка, он сам на опушке леса ошивался, не знал, куда себя деть. Афиша с Мими в кармане лежит, шуршит. Волк вытащит, посмотрит, повздыхает, убе­рёт и опять кругами ходит между берёзами, мается, бедола­га. А тут, глядь, сама мечта его идёт.

Мими тоже увидела Волка, но подходить к нему не стала. Плед расстелила невдалеке, под берёзой, корзинку постави­ла. Вино достала, пирожки, книжку. И села. Типа, на пикник пришла. И, типа, задумалась. Ромашку сорвала. И лепестки так в задумчивости отрывает. И вздыхает тоже. Вино не пьёт, пирожки не ест, книжку и подавно не читает.

Волк кругами походил-походил, повздыхал-повздыхал то­же... Да и подошёл к Малышке Мими.

Ну и начал всё как обычно: «А что это такая молодая и красивая, да одна?», «А можно вам составить компанию?» – ничего оригинального.

Мими, конечно же, ресницами своими сначала помахала, как опахалами какими. Аж ветер поднялся. Для поряд­ку поскромничала, тоже всё как обычно: я не такая, я жду трамвая... А потом слово за слово... А потом и рюмашку одну-другую с Волком опрокинули, пирожками закусили... На душе у обоих и захорошело. И давай, как водится в та­ком градусе находясь, за жисть разговаривать. Волк о сво­их трудностях: мол, волка ноги кормят, надоело всё, хочет­ся тепла и заботы. А Мими о своём: номер накрылся, нога к дождю ноет... Денег нет. Партнёра для нового номера нет.

Всё плохо. А потом как бы в прозрении глядит на Волка – и в глазах словно надежда загорается. В кино на этом месте пошёл бы крупный план, и музыка романтическая потихоньку заиграла бы.

Но Волк и так всё понял, без музыки и планов. Он аж дышать боялся, так ему в цирк вместе с Малышкой Мими захотелось.

Сговорились они.

И репетировали недолго. А номер был – правильно догадываетесь: Волк глотал Красную Шапочку, а потом она из его живота живая вылезала. И Волк живой оставался.

И таким успехом стал этот номер пользоваться, что народ даже из других городов приезжал. Кассовые сборы невероятные были.

А вот никакой бабушки в цирковом номере не было. Враки всё это, сказки. Приплетут же!

Сказка о современной репке

В одной деревне жили-были дед да баба.

Не дружно, надо сказать, жили. Дед попивал. Эм... Ну, пил. Н-да... Если честно, квасил по-чёрному. И как напьётся, давай бабку гонять. Матюгами. На всю деревню. Так, что у жителей просто уши вяли. А уж они-то, казалось бы, ко всякому такому привычные.

Ну а когда дед не пил, то бабка гоняла его. Не менее трех-

этажными матюгами.

В общем, скандальная была семейка.

И вот однажды бабка на ярмарку за каким-то лядом поехала. На ВДНХ та, что ли, проходила. Сезонная такая. Приспичило бабке, понимаешь. Накупила там всяких семян. В рекламе было написано: суперурожайные, сверхустойчивые к огородным паразитам, с улучшенными вкусовыми свойствами. На каждом пакетике так было написано. Огурцов там всяких накупила, редиски. И репы. Осенью всё это было.

И вот наступила весна. Посевная. Сеет дед в огороде на грядки чудо-семена. Дошёл до пакетика с репой. Открыл. Смотрит, а там одна огромная семенища. Всем семенищам семенища.

«Ну, – думает, – хоть одна, а какая репища из этой семенищи вырастет!»

Посадил. И даже не напился в этот день. И так радостно было на душе. Даже с бабкой матюгами как-то особенно ласково разговаривал.

И вот, время идёт, всё всходит. Кроме репы. Ну нет ничего, хоть плачь.

Дед уже и поливает, и рыхлит, и плюёт на грядку с репой. А ей хоть бы хны.

Дед к бабке. Мол, что ж ты, старая вешалка, купила. Хрен какой-то, а не репу.

А бабке и самой обидно: денег за семена отвалила, всего

одно семечко было, так ещё и не растёт оно. Поехала на ВД-НХ снова. А ярмарки уже и след простыл. Бабка туда, сюда сунулась. Отыскала какой-то ларёк, где пластырь для похуждения, машинка для счёта денег и какие-то чудесные удобрения продавались. Купила она эти удобрения и, довольная, двинула до дома, до хаты.

Дед на следующий день опрыскал грядку с невсходящей репой. Всё по инструкции сделал. Вонь на всю деревню с неделю стояла. Однодеревенцы на улицу выйти не могли. В клубе было два противогаса, так их по очереди вся деревня носила. К концу недели, слава богу, выветрилось. И не поверите – репа взошла-таки. И как взошла, так и давай переть. И ботва прёт. И грядка как-то опасно набухает. Не по-детски так набухает, вернее, не по-репы.

И вот выросла репа. Просто чудовищных размеров. Вся деревня бегала смотреть на эту монстрическую репу. Из Москвы даже журналиги приезжали, репу снимали. Вместе с дедом и бабкой. Дед ради такого случая даже не напился с утра. Потом-то конечно, в дым набуздыкался, а перед журналигами – ни-ни. И почти без матюгов интервью давал. И бабка такая красивая была: новый передник надела, платочек повязала на голову, губки куриной гузкой сложила, ну ангел, а не бабка.

Но вот осень пришла. Пора репу собирать.

Дед хлопнул боевые сто грамм для храбрости, взял лопату – и к репе. А она стоит, зараза, аж выше дома. Одним

боком стену подпёрла, того и гляди дом снесёт. Ботва – точно лес густой колосится. Жуть просто. Дед на руки поплевал и давай лопатой рядом с репой ковырять. А лопата – точно зубочистка, рядом с таким овощем пестицидным.

Дед трухнул окончательно и давай бабку звать. Матюгами, конечно. Бабка вылетела из избы, словно ракета с Байконура. И в ответ: тра-та-та-та-та! Тоже непечатно. Но дело знает. Уцепилась за дедку, а дедка за репку. Сказку все знают: не смогли они. А у них внучка гостила. Чемпионка России по метанию диска. Кровь с молоком девка. Дед с бабушкой заискивающими голосами давай её звать. Внучка вышла, выдохнула так, что ботва репкина зашелестела где-то там в небесах, и взялась за бабку (чуть хребет ей не переломила, силища-то немереная). И опять: дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку, а репке хоть бы хны. Стоит как вкопанная. Зараза такая!

Внучка Жучку зовёт. И тоже матерно. У них это семейный язык, наверное, такой, они на другом разговаривать не умеют, скорее всего. Жучка собака умная и учёная была. Чем она только учёная ни была – и поленом, и веревкой, и сапогом. Поэтому быстренько взяла свою будку под мышку и, звеня цепью, примчалась с языком на плече к месту сбора всей семейки. Мол, тут я. И опять по-сказочному: дедка за репку, бабка... ну что я всё пересказываю, сами с детства знаете.

А репища стоит себе. Тоже как в сказке. Не шелохнулась

даже. Не дрогнула.

Жучка кошку позвала. А та мышь от нечего делать гоняла по углам избы. Так они обе сразу и прибежали.

И вот – мышка за кошку, кошка за Жучку, ну и так далее, заканчивая дедом в обнимку с репищей. Напряглись. Потянули. И вытянули-таки этого монстра овощного.

Сели. Пот вытирают. А бабка с внучкой на кошку с мышкой накинулись. Нецензурно, конечно. А Жучка подтягивает. На своём, собачьем, и тоже нецензурно. Если перевести эту их хоровую матерщину, то смысл был такой:

«Ты, такая-сякая морда кошачья, и ты, мышь, чего сразу не пришли-то?! Какого нас от дел отвлекали. Так бы вы втроем, считая деда, с этой грёбаной репой справились. А так мы тут ещё тянули, время теряли. Да и всё равно никто эту репу жрать не будет, потому как она по самую ботву пестицидами напичкана. Вот теперь сами её и ешьте!»

Кошка с мышью пищат дуэтом, что репы не едят. Да кто их послушал. Так и ели всю зиму эту репу кошка с мышью. Не померли. Организмы здоровые, на свежем воздухе возвращенные, справились с пестицидами.

Вот такая сказка про современную репку.

А дед больше бабку ни под каким видом на ВДНХ не пускает. Орёт так, что у соседей крыши сносит с домов, как только она про ярмарку с семенами заговаривает. И теперь растёт у них на огороде только обычная репа, самых стандартных размеров.

Вся правда о Золушке, которую не рассказывают детям

Мы все привыкли: мол, Золушка – ангел, а мачеха с дочками своими – просто дьявольское отродье. Это всё сказки. А вот как на самом-то деле было?

Сегодня одна маленькая птичка начирикала мне всю правду о Золушке. Наверное, знала, что я писатель и обязательно расскажу вам эту историю.

Итак, слушайте, мои дорогие!

Жил-был лесничий. К несчастью, он очень рано овдовел. И осталась у него маленькая дочка... пусть будет Франсуаза.

Лесное хозяйство у отца Франсуазы было преогромное, приходилось во все буераки заглядывать, все болота топкие инспектировать. А как же! К примеру, кикиморы там поскандалят – безобразие! Или леший с русалкой в который раз загулял, а его жена опять узнала и на развод теперь подаёт, тоже в который раз, но непорядок же! Или ещё что, разве мало в лесу можно дров наломать, умеючи-то? Их много, а лесничий на них на всех – один. А чуть что – кто будет виноват? Он сам и будет. Вот и крутись.

Так и приходилось отцу Франсуазы неделями в командировках пропадать. В такие командировочные дни присматривала за девочкой полуслепая соседка; сказать очень преклонного возраста – ничего не сказать. Все уж и забыли, ко-

гда ей сто лет справляли. И теперь ждали: вот помрёт – на поминках погуляем. А та всё не мёрла. Слепая, глухая, еле ходит... Конечно, она не могла за Франсуазой уследить. Та была предоставлена сама себе. Педагогически запущенный ребёнок, так сказать. Ходила Франсуаза чумазая, растрёпанная, вечно с грязными руками, будто в золе постоянноковырялась. Вот её и прозвали Золушкой. А той вообще всё равно, Золушка так Золушка, ужасно лень было уши и руки мыть. Неряха, в общем, такая и лентяйка.

В подростковом возрасте для лесничего вообще кошмар начался, хоть домой не возвращайся. Кикиморы на болоте себя приличнее вели, чем родная дочура. Да и бабка-соседка, которой непонятно сколько лет исполнилось, померла-таки. И вот лесничий решил сестру свою на подмогу вызвать. У той своих две дочки, а муж помер – обратная, можно сказать, ситуация по сравнению с братом. Но жили сестра с дочками неплохо, хорошо жили. С соседями ладили. Особенно с одним соседом сестра так дружила, так дружила, что уже и о свадьбе подумывали, а тут брат с племянницей – вот вам здрасьте! Что поделать, кровь родная всё-таки – не водица, надо ехать помогать.

Ну, приехала сестра к лесничему. С дочками своими. Девочки у неё и рукодельницы, и красавицы, и умницы, и чистюли. Соседи смотрят на них – не на радуются. И даже удивляются: как такие нежные создания могут быть пусть и двоюродными, но сёстрами такой девицы, как Золушка? Лесни-

чий посмотрел и было совсем воспрял: авось и его неряху воспитает сестра наконец.

Да уж не судьба, видно. Та билась-билась, воспитывала-воспитывала, к порядку и чистоте приучала-приучала – всё без толку. Только ещё хуже стало. Золушка всё попереёк норовила сделать. То чечевицу с горохом перемешает, а тётке с дочерьми потом перебирать, то ленты все перепутает, то платья ножницами им в отместку изрежет. Лесничий с сестрой головы сломали, куда пристроить Золушку. Попробовали в пансион её отдать, так девицу эту оттуда на третий день выгнали. С волчьим билетом, можно сказать. Директриса пансиона всем своим товаркам отписала: мол, такую-разэтакую Золушку ни под каким видом, ни за какие посулы и деньги к себе не берите. Это позор какой-то, а не девушка! Всё честное имя любому пансиону перепачкает своей неряшливостью да грубостью.

А тут уж и возраст подошёл, вроде как и замуж пора Золушку выдавать. Из местных, конечно, никто бы и не взял её в жёны, все ж в курсе её говённого характера. Надо было где-нибудь в дальних королевствах мужа искать. Ни лесничий, ни сестра его не были коварными людьми, они лишь надеялись, что у мужа получится сделать то, что им не удалось, – привести Золушку хоть к какому-то положительному знаменателю в характере.

Прослышали они, что в соседнем королевстве принц жениться намерен. И он ищет самую красивую девушку на зем-

ле. Золушка-то, если её отмыть, вполне красивая была, ничего не скажешь. Вот отмыли они её. Это отдельная история: всей семьёй уговаривали, сулили всякое, башмачки хрустальные от известного дизайнера купили ради такого случая. И говорят: «Вот как с грязными ногами да такими ужасными ногтями хрустальные туфельки надевать? Всё ж видно!»

Уговорили. Педикюр сделали. Заодно маникюр, стрижку. Уши ей наконец оттёрли. В общем, навели блеску. Платье красивое купили. Рюши-банты всякие. Ну, всё как полагается.

Привезли на бал. Конечно, про тыкву, которая каретой стала, и всяких там крыс, которые в кого-то там превратились, – это сказки всё. Лесничий с сестрой ради такого дела (святого, можно сказать!) не поскупились, арендовали нормальную карету, с белыми лошадьми, с кучером в ливрее с золотыми галунами. Чтобы всё как у людей было. Расходы, конечно. Но тут никаких денег не пожалеешь, чтобы такую обузу сбagrить.

На балу, конечно, всё по писаному было: понравились принц и Золушка друг другу. Принц давай ухаживать. А Золушка-то со своим диким характером... что-то ей там принц не то сказал. Или ей так показалось. Факт тот, что она как ломанулась от него! Туфельку и потеряла. А туфельки-то не из обычного магазина, а дизайнерские были, номерные. Так что никто там потом не носился с этой туфлей поте-

рянной. Не примерял всем девушкам королевства. И уж, конечно, сёстры Золушки никаких козней не строили. Наоборот, на следующий день пришёл лесничий с сестрой своей и с туфлей в руках в замок. И Золушку чуть не волоком за собой притащили. И – к королю с королевой. Мол, у нас товар, у вас купец. Мол, был факт ухаживаний. Вот и туфля: доказательство. Вы уж честное имя девушке не портьте.

Те уже, может, и сами не рады, а куда деваться-то?!

Ну, поженили их.

Вся семья Золушки с облегчением вздохнула.

Но ненадолго.

Через год пишет король – а королева ему там приписками поддакивает – вежливое письмо лесничему. Мол, так и так, государство наше в опасности. Ваша Золушка просто бомба какая-то замедленного действия. Скоро всё государство наше рухнет от её склочного характера. Тут намедни соусницей в датского посла запустила, не понравилось ей что-то. А неделю назад кого-то из польской знати собакой обозвала. Невозможно уже! Она нас скоро перессорит со всеми соседями. А война дело дорогое, на неё в казне денег нет, последние на свадьбу сына и вашей Золушки потратили. До сих пор в долгах как в шелках. Просим по-хорошему, заберите Христа ради! У нас ведь и рычаги есть – родить никак не может, а из соображений продолжения династии развод очень даже приветствуется церковью. Заберите так, по-доброму, по-христиански, господом-богом просим. А то гибнет страна.

А народу мы скажем, что померла Золушка родами. И ребёночек мужеского рода тоже помер. Памятник какой-нибудь Золушке изваяем. С ребёночком на руках будет стоять в бронзе. Трогательно же! У нас и площадь одна пустует. Как раз место для памятника есть. А похороны устроим пышные, да такие, что не подкопается никто. У нас фея придворная есть, мастерица на все руки, талантище. Фея сотворит фигуру Золушки из воска, мы с ней уж договорились. И взять обещала недорого. Золушка словно живая будет. То есть словно мёртвая. То есть не отличит никто. А вы у себя в государстве уж сами как-нибудь разберётесь. Под её именем в страну ввезёте, под чужим ли... Мы со своей стороны все дипломатические переговоры с вашим правительством уже провели. Они прикрытые гарантируют. Все согласны, короче. Дело только за вами. Христом вас заклинаем. Поймите нас правильно. А то за себя не ручаемся...

Ну, семья Золушки не изверги же, как никто поняли их. И забрали Золушку обратно, от греха подальше.

И в то же время, на всеобщее счастье, какая-то местная фея престарелая на пенсию собралась. В лесу она жила. В милом таком домике. Пряничном почти. К лесничему обратилась: мол, так и так, срок мой вышел, пора на покой, сдаю госдачу, ищи мне замену. Лесничий, недолго думая, Золушку на её место пристроил. А она там прижилась, как ни странно. Только в лесу теперь вместо доброй феи злая колдунья Франсуазина живёт.

Вот и вся правда о Золушке.

Сказка-то, конечно, лучше. Ну так то сказка, а то быль.

Притча о кукольном театре

Жил-был один Мастер. Был он древний, как сама земля под его ногами, как синее небо у него над головой. Птицы щебетали ему свои чудесные песни, солнце каждое утро заходило в гости и протягивало ему тёплые ладони, ласково гладило его лицо, нежно касалось седых кудрей. Ветерок играл с ним в прятки, а иногда приносил в подарок целые горсти удивительных запахов или конфетти из цветочных лепестков. Старая Олива была его добрым другом. Своей серебристой листвой она нащёптывала ему дивные сказки... или не сказки, но слушать её было очень занимательно. Всё радовало Мастера и приносило ему счастье. Но иногда, совсем редко, он чувствовал себя одиноко.

Однажды Старой Оливы не стало, она умерла. И причудливо изогнутый ствол упал на землю. Долго горевал Мастер, тосковал, скучал. А потом решил вырезать из тела Старой Оливы большой кукольный театр, чтобы не было так одиноко, и отправиться странствовать с этим театром по свету.

Работа спорилась. Видимо, Старая Олива, даже будучи просто древесиной, сохранила свою любовь к Мастеру.

Кого только ни создал Мастер: и печального голубоглазого Пьеро, и красавицу-кокетку Мальвину, и Буратино, и много-много других персонажей. Каждого он вырезал с любовью и нежностью.

Когда мы вкладываем в наши дела любовь, то они наполняются животворящей энергией. Может быть, поэтому, а может быть, из-за чудесной древесины, фигурки получились живыми. Они сами говорили и двигались. Правда, они имели деревянные головы и деревянные сердца, поэтому без нитей было не обойтись. Ведь в деревянных головах мало мыслей, а умных уж и подавно трудно дожидаться, а в деревянных сердцах мало чувств, а уж добрых... когда они там родятся, будут ли вообще?.. Вот поэтому и нужны были нити, чтобы можно было удерживать кукол от злых поступков и направлять на добрые.

Заботливой рукой Мастер направлял движения своих кукол, пытаясь научить их тому, что умел сам. Дело спорилось – куклы довольно быстро разучили свои роли и уже могли неплохо выступать на сцене. Тогда Мастер сложил скромный узелок с вещами, собрал всех кукол в большой уютный кожаный чемодан и отправился в путь.

Мастер и его театр с успехом давали представления в больших городах, в городах поменьше, в совсем маленьких городах, сёлах, деревнях. Везде их встречали и провожали с радостью. Куклам рукоплескали, восхищались их игрой.

Постепенно куклы становились всё самостоятельнее, и Мастер одну за другой обрезал ниточки, которыми направлял кукол в их выступлениях. Но происходила и обратная вещь – Мастер вкладывал в кукол так много своего сердца, разума, доброты, что от них тоже начали тянуться верёвоч-

ки, которыми уже куклы могли управлять Мастером.

Куклы иногда стали позволять себе капризничать и не слушаться Мастера, порой они вообще отказывались работать – им интереснее было лежать в уютном чемодане и сплетничать о людях. Мастер любил свои творения и время от времени потакал их капризам. Да и как он мог не любить кукол, если они были частичкой подружки-Оливы и частичкой его самого? Но каждая уступка Мастера рвала нити, за которые он мог направлять кукол согласно своей воле, зато каждый раз крепили нити, которыми куклы могли управлять Мастером.

И вот однажды куклы порвали последнюю нить, которую держал Мастер. А сам он теперь был в полной власти своих кукол. Он продолжал любить их, но уже не мог на них влиять. И произошла странная вещь: теперь Мастер стал марионеткой в их руках. Правда, их деревянные сердца и души так и не научились любить и сострадать. Куклам хотелось лишь сытнее есть, побольше спать, поменьше работать. Им хотелось иметь красивые и яркие лоскутки на платьях, им хотелось внимания и славы.

Три дня куклы не выходили из своего кожаного чемодана – они совещались, они думали, как же им получить всё, чего они так страстно желали, и ничего особенно для этого не делать. Все образы, которые были привычны зрителям, слетели с них, и выявилась истинная суть каждой куклы. Пьеро оказался не таким уж ранимым, романтичным и поэтич-

ным. Ведь иногда очень удобно быть недотёпой, не правда ли? Обнаружилось, что Арлекин не такой уж бесшабашный дуралей: он любил покутить, погулять, ему нравились удовольствия, но и выгоду свою он всегда видел ясно и чётко, поэтому в друзья себе всегда выбирал тех, с кого можно что-то взять.

Самым умным среди кукол считался Буратино. Он давно уже перестал быть наивным деревянным мальчиком в полосатом колпаке. Ему удалось вернуть свои пять золотых. Он не стал повторять прошлых ошибок и закапывать деньги в землю в надежде, что из них вырастет денежное дерево. Нет, он давно понял, что это денежное дерево нужно выращивать самому. И в этой мысли нет ничего плохого. И в цели такой нет ничего плохого. Разве только средства, которыми Буратино стал пользоваться... Этот милый мальчик с возрастом превратился в скупердя и ростовщика – жестокого и беспринципного. Зато он был самым богатым среди кукол. Наверное, поэтому они стали считать Буратино самым умным.

На исходе третьего дня Буратино сказал:

– На свете полно кукольных театров, где куклами управляют люди, но нет ни одного, где куклы бы управляли Человеком. Давайте создадим такой театр.

И пошли они со своим невиданным театром по большим городам, городам поменьше, совсем маленьким городам, сёлам, деревням...

Притча о вере

Жил-был человек. Он был ни беден, ни богат, но всегда имел кусок хлеба, крышу над головой и радость в душе. Жил он легко и просто. Его вера в Бога была крепка и сильна. Он не боялся ничего, никогда не сомневался в будущем. Он всегда говорил: «Будет день – будет пища». Так всё и шло.

У него была шестнадцатилетняя красавица дочь. Больше жизни он любил её. Она была его гордостью и отрадой. Даже когда весь город объяла чума, он не боялся, так как верил, что Бог уберёжёт его и дочь. И действительно – с ним самим ничего не случилось. Но его ненаглядная дочь заболела и умерла. Неизмеримо велико было горе отца. За одну ночь он поседел и постарел на двадцать лет. За эту же ночь он потерял свою веру, которая делала его сильным и независимым.

Теперь он начал бояться завтрашнего дня, болезней, нищеты. Начал копить деньги, думать о том, как бы их раздобыть побольше. И чем больше он думал о деньгах, тем меньше у него было заработка. В конце концов он совсем обнищал, оголодал, дом пришёл в упадок.

В один прекрасный день он проснулся и понял, что так больше жить нельзя. Нужно вернуть себе веру.

Собрал он скромный узелок и пошёл бродить по свету, чтобы снова найти свою веру.

Перво-наперво зашёл он в церковь к местному священнику. Посмотрел на священника и ещё больше разочаровался – священник был сытый и толстый. И многие в деревне поговаривали о нём разное... Посмотрел на пышное убранство церкви, на золочёные иконы и тоже не увидел там Бога и не вернул своей веры.

Вышел он из церкви, перед ним расстилалась лента дороги. Сделал он шаг, первый в долгом пути.

Где он только ни был, с какими мудрецами ни беседовал, но так и не обрёл своей веры.

Совсем истрепали его дороги и странствия. И решил он, что нужно возвращаться домой.

Долго ли, коротко ли, но привели его дороги обратно к дому. Вот уже и опушка знакомого леса, который распустился весенней зеленью, вот уже с пригорка видна родная деревня. И так хорошо стало у него на душе, что захотелось продлить этот миг. Сел он у берёзки, оперся об её тёплый ствол и стал любоваться природой, наслаждаться ласковым солнышком. И сам не заметил, как заснул.

И приснился ему вещий сон. Пришла к нему в этом сне его любимая умершая дочь.

– Здравствуй, батюшка! Что же ты так себя мучаешь? Искручинился весь! – сказала она ему.

– Как же мне не кручиниться? Я любил тебя больше жизни, ты была моей главной радостью. Я так верил в Бога, а Он не защитил тебя, и болезнь унесла моё дитя из жизни, –

ответил он дочери во сне.

– Но ты же не знаешь, что бы было, если бы я осталась жива, – заметила дочь.

– А что могло бы быть?! Вышла бы ты замуж, родила мне внуков. Жили бы мы в радости и любви долго-долго.

– Нет, батюшка. В семнадцать лет я влюбилась бы в парня из соседней деревни, а он не любил бы меня. И я с горя-кручины в день его свадьбы с другой утопилась бы. И навсегда погубила свою душу.

Сказала – и истаяла лёгким облаком.

Отец проснулся и не знает, что ему думать. Уж очень яркий был сон, словно и не сон, а явь.

«Наверное, правду сказала мне дочь во сне, – решил он, – но где же мне искать мою потерянную веру? И в церкви я был, и с мудрецами говорил, в чудесных странах побывал, а веры так и не нашёл».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.